

Золотая серия поэзии

Анна Ахматова

Столько просьб
у любимой всегда...

Москва
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
А95

Серия основана в 2001 году
Разработка серии А. Новикова
Дизайн переплета А. Саукова

В оформлении обложки использована
репродукция картины «Портрет Маргариты», 1918 г.
художника Амедео Модильяни (1884–1920)

Рисунок Анны Ахматовой на 4-й сторонке обложки
художника Амедео Модильяни

Ахматова, Анна Андреевна.

А95 Столько просьб у любимой всегда... / Анна
Ахматова. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
384 с. — (Золотая серия поэзии).

ISBN 978-5-699-95052-2

Есть поэты для поэтов, есть поэты для критиков. Ахматова — поэт для читателей. В сборнике, который вы держите в руках, опубликованы только те ахматовские стихи, которые она сама считала лучшими, в том числе первые ее книги — «Вечер», «Четки», «Белая стая», «Подорожник» и «Anno Domini».

**УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5**

© Новгородова М.И., 2017
© Марченко А.М.,
предисловие, 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-699-95052-2

ООО «Издательство «Э», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всего прочнее на земле печаль.

А. Ахматова

Творческая судьба Анны Ахматовой сложилась так, что только пять ее поэтических книг — «Вечер» (1912), «Четки» (1914), «Белая стая» (1917), «Подорожник» (1921) и «Anno Domini» (в двух редакциях 1921-го и 1922-1923 гг.) составлены ею самой. В течение последующих двух лет ахматовские стихи изредка еще появлялись в периодике, но в 1925-м, после очередного Идеологического Совещания, на котором, по выражению самой Анны Андреевны, она была приговорена к «гражданской смерти», ее перестали печатать. Лишь через пятнадцать лет, в 1940-м, почти чудом прорвался к читателям томик избранных произведений, и выбирала уже не Ахматова, а составитель. Правда, Анне Андреевне все-таки удалось включить в это издание в виде одного из разделов фрагменты из рукописного «Тростника», шестой своей книги, которую собственноручно составила в конце 30-х годов. И все-таки в целом сборник 1940 года с безличным названием «Из шести книг», как и все остальные прижизненные избранные, включая и знаменитый «Бег времени» (1965), авторской воли не выражали. Согласно легенде, инициатором этого чуда был сам Сталин. Увидев, что его дочь Светлана переписывает в тетрадь стихи Ахматовой, он якобы спросил у кого-то из людей своей свиты: почему же Ахматову не из-

дают. Действительно, в последний предвоенный год в творческой жизни Ахматовой наметился некоторый перелом к лучшему: кроме сборника «Из шести книг», — еще и несколько публикаций в журнале «Ленинград». Анна Андреевна верила в эту легенду, считала даже, что своим спасением, тем, что ее вывезли из блокадного города осенью 1941-го на военном самолете, она также обязана Сталину. На самом деле, решение об эвакуации Ахматовой и Зощенко подписано Александром Фадеевым и, видимо, по настойчивой просьбе Алексея Толстого: красный граф был прожженным циником, но Анну Андреевну и Николая Гумилева знал и любил с юности и никогда об этом не забывал... Толстой, похоже, поспособствовал выходу и ташкентского сборника Ахматовой в 1943 году, что, впрочем, было ему совсем не трудно, так как это произошло после публикации в «Правде» ее стихотворения «Мужество»... В том, что именно автор «Петра Первого», пусть и не слишком, а слегка защищал Ахматову, подтверждает и такой факт: после его смерти в 1944 году ей уже никто не смог помочь, ни Николай Тихонов, ни Константин Федин, ни Алексей Сурков, несмотря на все свои немалые литературные чины...

В настоящее издание включены тексты первых пяти книг Анны Ахматовой, в той редакции и в том порядке, в каком они впервые увидели свет. Правда, из «Четок» исключен раздел «Из книги «Вечер», а в сборник «Anno Domini» не включен «Подорожник». Тем не менее у читателя есть возможность самому восполнить этот технический пробел, поскольку в приложении к «Четкам» и «Anno Domini» приведен список перепечаток из предшествующих им «Вечера» и «Подорожника».

Первые четыре сборника — «Вечер», «Четки», «Белая стая» и «Подорожник» публикуются по первому изданию,

«Anno Domini» — по второму, более полному, берлинскому, отпечатанному в октябре 1922-го, но вышедшему с пометкой: 1923. Все остальные тексты следуют в хронологическом порядке, без учета тех тонких связей и сцеплений, в каких они существуют в авторских «самиздатовских» планах: до самой смерти Анна Ахматова продолжала и писать стихи, и складывать их в циклы и книги, все еще надеясь, что сможет выйти к своему читателю не только с главными стихами, которые неизменно застревали в вязкой тине советской цензуры, но и с книгами стихов. Как и многие поэты Серебряного века, она была убеждена, что между лирическими пьесами, объединенными лишь временем их написания, и авторской книгой стихов — «дьявольская разница». Первая попытка издать эти предполагаемые книги уже сделана — в четвертом томе собрания сочинений А. А. Ахматовой, выходящем в издательстве «Эллис Лак» (составление, подготовка текста, комментарии, статьи Н. В. Королевой).

В нашем издании, рассчитанном на массового читателя, при выборе текстов для второй части сборника предпочтение отдано тем произведениям, какие Анна Ахматова считала лучшими.

Первый сборник Анны Ахматовой «Вечер» вышел в самом начале марта 1912 года, в Петербурге, в акмеистском издательстве «Цех поэтов». Чтобы издать 300 экземпляров этой тоненькой книжечки, муж Анны Ахматовой, он же глава издательства, поэт и критик Николай Степанович Гумилев выложил из собственного кармана сто рублей. Почти одновременно в том же издательстве, в типовом оформлении, появились еще два сборника членов «Цеха поэтов» — «Дикая порфира» Михаила Зенкевича и «Скифские черепки» Елизаветы Кузьминой-Караваевой. Наибольший интерес профессиональной критики вызвали

стихи М. Зенкевича, однако читатели решили иначе... Читательскому успеху «Вечера» предшествовали «триумфы» юной Ахматовой на крохотной эстраде литературного кабаре «Бродячая собака», открытие которого учредители приурочили к проводам 1911 года. Художник Юрий Анненков, автор нескольких портретов молодой Ахматовой, вспоминая на склоне лет облик своей модели и ее выступления на сцене «Интимного театра» (официальное название «Бродячей собаки»: «Художественное общество Интимного театра»), писал: «Анна Ахматова, застенчивая и элегантно-небрежная красавица, со своей «незавитой челкой», прикрывавшей лоб, и с редкостной грацией полу-движений и полу-жестов, — читала, почти напевая, свои ранние стихи. Я не помню никого другого, кто владел бы таким умением и такой музыкальной тонкостью чтения...». Воспоминаний Анненкова Анна Андреевна не успела прочесть, «Дневник моих встреч» вышел в год смерти Ахматовой, в одном из нью-йоркских издательств, однако ее собственный автопортрет той же самой поры — стихотворение «Рисунок на книге стихов» (1958) — кажется репликой именно на эту мемуарную книгу:

Он не траурный, он не мрачный,
Он почти как сквозной дымок,
Полуброшенной новобрачной
Черно-белый легкий веноч.
А под ним тот профиль горбатый,
И парижской челки атлас,
И зеленый, продолговатый,
Очень зорко видящий глаз.

Ровно через два года после выхода в свет первого издания, а именно в марте 1914-го на прилавках книжных магазинов Петербурга появились «Четки», эту книгу Ахматовой уже не пришлось издавать за свой счет... Она выдержала множество переизданий, в том числе и несколько «пиратских». Один из таких сборников датирован 1919 го-

дом. Анна Андреевна очень дорожила именно этим изданием. Голод, холод, разруха, а людям все равно необходимы стихи. Ее стихи! Гумилев, как выяснилось, был прав, когда сказал, прочитав корректуру «Четок»: «А может быть, ее придется продавать в каждой мелочной лавке». Марина Цветаева довольно спокойно встретила первый ахматовский сборник, ведь ее собственная первая книга вышла двумя годами ранее, разве что подивилась совпадению названий: у нее — «Вечерний альбом», и у Анны — «Вечер», зато «Четки» привели ее в восторг. Она влюбилась! И в стихи, и, заочно, в Ахматову, хотя и почувствовала в ней сильную соперницу:

Ты солнце в выси мне застишь,
Все звезды в твоей горсти.

Тогда же, после «Четок», Цветаева назвала Ахматову «Анной Всея Руси», ей же принадлежат и еще две поэтические характеристики: «Муза плача», «Царскосельская Муза». И что самое удивительное, Марина Ивановна угадала, что судьба выписала им, таким разным, одну подорожную:

И одна в пустоте острожной
Подорожная нам дана.

Нет, не совершенству стиха, не мастерству или тембру поэтического голоса белой завистью завидовала Цветаева — тому завидовала, чего была лишена сама — умению говорить вроде бы о себе, а на самом деле — за многих:

О муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.

И мы шарахаемся, и глухое: ох! —
Стотысячное — тебе присягает. Анна
Ахматова! — Это имя — огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами — то же!

«Четки» самая знаменитая книга Анны Ахматовой, именно она принесла ей славу, не просто известность в узком кругу любителей изящной словесности, а настоящую славу. Между тем сама Ахматова из ранних своих книг куда больше «Четок» любила «Белую стаю» и «Подорожник»... И дело тут не просто в том, что в этих двух книгах больше стихов, которые она считала «лучшими», а потому, что в зрелые годы не любила себя такой, какой запечатлели ее «Четки». В «Поэме без героя» об этом сказано с завидной самокритичностью:

...войду сама я,
Кружевную шаль не снимая,
Улыбнусь всем и замолчу.
С той, какою была когда-то,
В ожерелье черных агатов,
До долины Иосафата,
Снова встретиться не хочу...

Поэтический автопортрет в кружевной шали, сделанный Ахматовой в 1940 году, отсылает нас к автопортрету периода «Четок», в первой публикации он назывался «Дама в лиловом»:

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу.
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.

Стихи эти, написанные весной 1914-го и тогда же появившиеся в периодике, Ахматова в «Белую стаю» не включила, они выглядели бы там чужеродно, потому что героиня этой книги, в отличие от дамы в лиловом, знает, что такое любовь. Не страсть, не забава, как в «Четках», и не влюбленность в любовь, как в «Вечере», и не ко многим, разным, а к одному единственному... И пусть человек, ко-

торому посвящены «Белая стая» и «Подорожник» — Борис Васильевич Анреп, как выяснилось через много-много лет, оказался не достойным этой великой земной любви и поэма судьбы Анны Всея Руси осталась без главного Героя, что с того? Миновали войны и цари, а стихи о безнадежной любви самой прелестной женщины «серебряного Петербурга» к «лихому ярославцу», променявшему родные перелески на бархатную зелень английских газонов, не прошли, не утратили своей первозданной свежести... В 1945 году, накануне очередной катастрофы, когда в августе следующего 1946 года Анну Ахматову известным постановлением ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» в очередной раз приговорили к «гражданской смерти», она, прочитав в рукописи роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», написала такие провидческие стихи:

Вкусили смерть свидетели Христовы,
И сплетницы-старухи, и солдаты,
И прокуратор Рима — все прошли
Там, где когда-то возвышалась арка,
Где море билось, где чернел утес, —
Их выпили в вине, вдохнули с пылью жаркой
И с запахом священных роз.

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней — царственное Слово.

В ситуации 1945 года, когда после нескольких весенних месяцев всенародного праздника Победы власть снова и круто стала «завинчивать гайки», подобные стихи не только читать вслух, но и хранить в ящиках письменного стола было опасно, и Анна Андреевна, никогда ничего не забывавшая, забыла их, точнее, так глубоко спрятала в *подвале памяти*, что не могла сыскать целое десятилетие, зато после XX съезда — сразу вспомнила... Друзья недаром называли ее провидицей, она многое предвидела зара-

нее, наперед, и приближение беды чуяла задолго до ее прихода, ни один из ударов судьбы не заставлял ее врасплох; постоянно живя «на краю у гибели», она всегда была готова к самому худшему. А вот ее главным книгам везло, они каким-то чудом успевали выскочить из-под печатного станка *накануне* очередного крутого поворота — либо в ее собственной жизни, либо в судьбе страны.

«Вечер» появился накануне рождения первого и единственного сына.

«Четки» — накануне первой мировой войны.

«Белая стая» — накануне революции, причем буквально накануне: в середине сентября 1917 года.

«Подорожник» (апрель 1921-го) — накануне большого горя: летом 1921-го Ахматова узнала о самоубийстве старшего любимого брата Андрея, в августе ушли из жизни сначала Блок, а затем Гумилев. Михаил Зенкевич, разыскавший Анну Андреевну той трагической зимой в каком-то чужом промерзлом жилье, был поражен произошедшей с ней переменой. Той Анны, с какой он расстался, уезжая из Петрограда в 1918-м, той, что жила и пела любовь в «Вечере», «Четках», «Белой стае» и «Подорожнике», больше не было; книга, которую она писала после страшного августа 1921-го — «Anno Domini» — была книгой Горя. (В первом издании — Пб.: «Petropolis», 1921 — год конца прежней и начала новой жизни обозначен римскими цифрами уже в названии сборника: «Anno Domini MCMXXI» («От Рождества Христова 1921».) Прочтя несколько новых стихотворений другу своей поэтической юности и заметя, что Зенкевич поражен, объяснила: «Последние месяцы я жила среди смертей. Погиб Коля, умер мой брат и... Блок. Не знаю, как я смогла все это пережить».

В первой редакции сборник «Anno Domini» вышел, как уже упоминалось, в конце октября, стихи о новом горе шли ровным потоком, издавать их в России, где имя каз-

ненного Гумилева под запретом, стало опасным: второе, дополненное, издание пришлось печатать уже в Берлине, ставшем к 1922 году центром русской эмиграции. Здесь еще можно было сохранить эпиграф из Гумилева в цикле «Голос памяти», однако даже простое упоминание о встрече с императором Николаем зимним вечером в заснеженном Царском Селе пришлось все-таки зашифровать. В широко известном сейчас стихотворении «Встреча» (1919) финальное четверостишие — «И раззолоченный гайдук \ Стоит недвижно за санями, \ И странно царь глядит вокруг \ Пустыми светлыми глазами» в берлинском варианте выглядит так:

И раззолоченный гайдук
Стоит недвижно за санями.
И странно ты глядишь вокруг
Пустыми светлыми глазами.

Но это единственный вынужденный компромисс. В целом «*Anno Domini*» свободна и от авторской, и от советской цензуры...

В год ее первой *гражданской смерти* Анне Ахматовой было всего тридцать шесть лет, про тот земной срок, который ей еще довелось прожить, она всегда говорила кратко и горько: *после всего*. Однако и эта — другая, подменная жизнь («мне подменили жизнь, в другое русло и по-другому потекла она...») была жизнью, и в ней были и любовь, и предательства, и муки немоты, и золотые дары поздней, но плодоносной осени, и даже испытание славой. Но эта была горькая, горьчайшая слава, потому что все лучшие ее вещи на родине не печатались. Их привозили тайком из Мюнхена, Парижа, Нью-Йорка, их запоминали наизусть с голоса, переписывали от руки и на машинке, переплетали и дарили друзьям и любимым. Ахматова знала об этом и все равно страдала... Из всех роковых «невстреч» не встреча со своим читателем была для нее самой больной болью. Боль этой разлуки совсем не в переносном, а в буквальном

смысле разрывала ее измученное сердце, она и убила его. По странному совпадению, 5 марта 1966 года: в день смерти главного виновника всех ее бед — Иосифа Сталина.

Однажды, в больнице, куда попала с очередным инфарктом, Анна Андреевна включила бедное больничное радио — пела молодая Галина Вишневская; в ту же ночь на Николу Зимнего — 19 декабря 1961 — года она написала удивительные стихи, думая, что пишет о певице, а на самом деле — о себе самой:

Женский голос, как ветер, несется.
Черным кажется, влажным, ночным
И чего на лету ни коснется —
Все становится сразу иным.
Заливает алмазным сияньем,
Где-то что-то на миг серебрит
И загадочным одеяньем
Небывалых шелков шелестит.
И такая могучая сила
Зачарованный голос влечет,
Будто там впереди не могила,
А таинственной лестницы взлет.

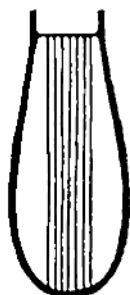
Алла Марченко

АННА АХМАТОВА

ВЕЧЕРЪ

СТИХИ

*ЦЕХЪ
ПОЭТОВЪ*